

- 5) запах дыма и гари (*в воздухе пахло гарью*);
- 6) запах пищи (*запах лука, сильно пахнет лимоном; запах водки*);
- 7) запах помещения (*в воздухе запахло парикмахерской*);
- 8) запах реалити, лишенных вещественности (*одуряющий запах весенней ночи*).

Следует отметить, что дефиниционная закрепленность ольфакторного признака не регулярна и представлена у слов всего нескольких лексико-семантических групп ароматизмов, для которых сема 'запах' является дифференциальной. Экспликация же данного признака происходит в контексте.

Обонятельные и вкусовые формы перцепции тесно связаны между собой, так как они обусловлены химическими свойствами ПП. Из комплекса ощущений, вызываемых вкусовыми характеристиками веществ, психологи выделяют четыре основных качества – соленое, кислое, сладкое и горькое. Однако человек ассоциирует вкусовые ощущения не только с отдельными свойствами пищи, но и с предметами, обладающими различными вкусовыми характеристиками (*вкус яблока, вкус жареного цыпленка*). В языке существует слова, обозначающие рецепцию (*пробовать на вкус, вкушать, отвеживать, смаковать, дегустировать*), собственно вкусовые ощущения и их оценку (*сладкий, соленый, горький, терпкий, вяжущий, пресный; вкусный, аппетитный, лакомый, смачный, невкусный; острый, резкий, слабый* и др.), а также вещества и предметы, обладающие вкусовыми характеристиками (*уксус – «жидкость с резким кислым вкусом, представляющий собой водный раствор уксусной кислоты» [3, с. 1382]; айва – «южное плодое дерево семейства розоцветных с ароматными желтыми, кисло-терпкими плодами, похожими по форме на яблоко или грушу» [3, с. 31] и др.*).

Таким образом, в языке функционирует целая система разноуровневых единиц, обозначающих различные процессы и компоненты человеческого восприятия, которые образуют полицентрическую структуру функционально-семантического поля перцепции и образуют 5 автономных зон: зона визуального, аудиального, тактильного, ольфакторного (обонятельного) и вкусового восприятия. Каждая зона представляет комплексную систему, поскольку включает в себя определенные лексико-семантические группы, объединенные интегральным семантическим признаком, и обладает концентрической структурой, в которой выделяется центр и периферия.

Дальнейший научный поиск в данном направлении поможет максимально точно структурировать функционально-семантическое поле человеческого восприятия.

Литература

1. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 111.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002.
3. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 667 с.
5. Горбачевич К. С. Краткий словарь синонимов русского языка. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 605 с.
6. Плужников М. С., Рязанцев С. В. Среди запахов и звуков. – М.: Молодая гвардия, 1991.
7. Плужникова Т. И. Формально-семантическая характеристика дериватов, мотивированных ароматизмами./ Система і структура східно-слов'янських мов: До 60-річчя наукової та педагогічної діяльності професора М. Я. Бріцина: Зб. наук. праць. – К.: Знання України, 2004.

Говердовский В. И.

КОННОТАТИВНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Системное и систематическое сопоставительное исследование близкородственных языков, в частности, русского и украинского начинается разворачиваться с 70-х годов прошлого века [1] [2], но сравнение лексики по морфемному и экспрессивно-коннотативному параметру осуществлялось значительно реже и фрагментарно [3]. Между тем, экспрессивно-коннотативный облик целого слова складывается из экспрессивно нагруженных и стилистически отмеченных составляющих его частей – суффиксов, поэтому сравнение слов близкородственных языков по этим составляющим дало бы интересную картину коннотативной дивергенции лексики, а разная экспрессивная наполненность и разная стилистическая отнесенность этих форм даст возможность оценить экспрессивно-стилистическую диспропорцию вокабуляра близкородственных языков. Это и составляет цель нашей работы.

Что касается понятия коннотации, то оно трактуется нами очень широко, не только как «Додаткове значення слова, словосполучення, чи виразу, його супроводні семантичні відтінки, що накладаються на основне значення, служать для вираження різних експресивних, емоційно-оцінних забарвлень і можуть надавати висловленню урочистості, невилученості, фамільярності тощо» [1], но и как такие свойства употребления языковых средств, которые могут быть обусловлены территориально, функционально, экспрессивно и т. д., т. е. любые показатели или маркировки, которые касаются сферы употребления языковых средств.

Не всегда правильно усматривать наличие коннотативных свойств лексики на основе существования оригинального коннотативного аффикса. В другом языке могут иметься иные по форме аффиксы, содержащие подобные по виду и степени коннотации. Так, коннотативные отличия как будто легко усматриваются в словах, не имеющих аналогичных по форме суффиксов в словах близкородственного языка, как, например, в русских словах *дорогуша, капуша, кумушка* с их экспрессивно-мелиоративными суффиксами *-уш(а), -ушк(а)*. Эти формы отсутствуют в украинском языке, но зато имеются аналогичные по коннотативному содержанию: например, для форм *-уш(а), -ушк(а)* имеются аналоги *-ун(я), -ун(ь)*. Ср.: *бабуня, татунь*, которые выражают чувство в такой же степени, как и аналогичные русские слова с другими суффиксами *бабушка, папочка*.

Таким образом, мы не всегда можем приписывать языку А наличие так называемых «тонкостей», если в лексике языка Б нет, например, идентичной морфемы. В любом языке почти всегда можно найти содержательную идентичную форму. Если в русском языке имеется суффикс субъективной оценки *-ушк(о)*, а в украинском его нет, то это не значит, что русский более «гибок», «тонок» или экспрессивен, чем украинский, потому что есть в украинском другие содержательные эквиваленты, целиком передающие гамму экспрессии, заложенной в этом русском суффиксе. Ср.: рус. *гнездышко* – укр. *гніздечко* и соответственно *зернышко* – *зернятко, пятнышко* – *плямка, солнышко* – *сонечко* и т. п. И наоборот, русский язык свободно находит замену для украинской формы –

неч(а) с помощью нескольких суффиксов: -изн(а), -ост(ь), -от(а). Ср. украинско-русские пары: дорожнеча – дороговизна, порожнеча – праздность, пустота.

Субъективность восприятия коннотации слова близкородственного языка, благодаря наличию оригинального аффикса – вот где во многих случаях лежит причина непрофессиональных разговоров о «выразительности», «красоте», «тонкости» языков – она часто в точке зрения на язык. Вот почему, например, украинские слова звірятко, хатинка, лишенько и т. п. вызывают восхищение русскоговорящего и считаются неповторимыми. Но выразительны они более для русского, а в украинских контекстах они имеют ровно такую же коннотативную силу, как и русские зверюшка, избушка, горюшко в русских контекстах, потому что помимо прочего имеют такую же частотность основ и морфем.

Тем не менее, аналогичные слова, когда они имеют оригинальный суффикс, служат примерами, когда говорят, в частности, о преимуществах или выразительных возможностях того или иного языка. Ср. украинские слова с оригинальным суффиксом -инн(я): буракиння (рус. свекольная ботва), квасолиння (рус. стебли фасоли) или с префиксом уз-: узлісок (рус. опушка леса), а также прилагательные с префиксом за-: завеликий (большего, чем нужно размера), заширокий (шире, чем требуется) или русские глаголы с суффиксом -ствовать: главенствовать (укр. мати зверхність над кимось) и т. д.

Подобные слова, когда они переводятся описательно, обычно называют безэквивалентной лексикой, или лакунами. Они существуют в любом языке и характеризуют его со стороны выразительных возможностей, однако если говорить именно о тонкостях, то в конечном счете не лакуны определяют эти языковые нюансы. На лакунах заканчиваются тонкости, называемые коннотацией. Коннотация – это тень семантики, а лакуны – эта сфера ономазиологии. На лакунах заканчивается коннотация и начинается денотация, рассматриваемая в аспекте номинации. Ономазиология вообще зиждется исключительно на рациональных началах, и если «мысль изреченная есть ложь», то ложью она является потому, что иногда нельзя передать невыразимую формальными средствами коннотацию.

Языковые тонкости состоят не в том, что нельзя найти полного денотативного соответствия в другом языке, а в том, что невозможно найти коннотативное соответствие. Любую лакуну можно передать на другом языке описательно (например, рус. отшутиться – укр. відбутися жартами, рус. соискатель – укр. особа, яка бажає одержати щось). Но какое выбрать слово, если из нескольких возможных каждое лишь частично передает диапазон экспрессии, заключенный в слове исходного языка? Какие соответствующие украинские суффиксы подобрать для русских слов с суффиксом -ыш с его пейоративной коннотацией: заморыш, змееныш, подкидыш? Как без коннотативной потери передать слово штормяга на украинский, а старезный на русский: очень старый, старый-престарый?

Подчеркиваем еще раз, что факт отсутствия в языке формально-эквивалентной лексемы не всегда указывает на меньшую выразительность. Например, отсутствие в украинском языке слова оговориться не дает основания для каких-либо умозаключений. Иное дело, если мы замечаем, что в русском существует к этому слову коннотативный синоним обмолвиться (коннотация архаичности). И вот здесь, при наличии дополнительных коннотативных средств, мы смеем говорить о тонкостях или выразительных возможностях, потому что в данном случае оба русских слова украинский язык передает без коннотации: помилитися на слові.

Точно также с первого взгляда не говорит о коннотативных преимуществах ни русское слово благодарити, ни украинское дякувати. Факт коннотативной выразительности возникает лишь тогда, когда существует потребность передать слово благодарствовать, для которого дякувати оказывается коннотативно неадекватным. Подобно этому в русском языке недостает средств для однословной передачи украинского слова попобігати. Коннотативную недостаточность или ее преобладание можно найти в любом языке. Вот почему необходимо системное представление выразительных возможностей лексики.

Коннотативная оригинальность какого-либо языка состоит прежде всего в наличии оригинальных коннотативных слов, коннотация которых определяется аффиксом, не имеющимся в данном слове другого. Поэтому выразительность русского слова соискатель состоит не в том, что, например, в украинском нет подобного однословного денотативного выражения, а в том, что в русском оно коннотативно (благодаря префиксальной и суффиксальной коннотемам), а в украинском – нет. Подобным образом для украинского суффикса -от(а) в словах, обозначающих лиц, в русском языке редко находится идентичный по коннотативному содержанию суффикс. Часть таких слов нельзя перевести коннотативно адекватно на другой язык. Украинское парубота – это парни, юноши, ребята, но лишь приблизительно. Данные русские слова адекватны украинскому только денотативно. Пейоративная и ироническая (в речи) коннотации являются принадлежностью только украинского слова.

Каждый из близкородственных языков имеет некоторое количество характерных лишь для него аффиксов. Так, для украинского и белорусского языков характерны уменьшительные инфинитивные суффиксы, заключающие в себе высокую степень коннотации мелиоративности: укр. гулятоньки, гуляточки, їсти, їстоньки, їсточки, їстусеньки, їстунечки, їстуї, бел. естецькі, есцінькі, естонькі, есцічкі, естухны, есцюхны. Ср. также: рус. мальшкя, замарашка, девонька, девчущка, дочурка; укр. батечко, зятчко, вовченя, козеня, гусенятко; бел. бабухня, бацюхна, святусенькі, яснюсенькі, малюпасенькі.

В русском языке суффикс -ь(е) образует коннотацию в многочисленных именах существительных, обозначающих лица. Пейоративная коннотация суффикса существует нераздельно с идеологической коннотацией основ: знатье, кулачье, мужичье, офицерье, солдатье, юнкерье.

Коннотативная особенность лексики какого-либо языка обнаруживает себя и в существовании различной степени коннотации одной и той же морфемы. Так, украинский суффикс -ець употребляется по отношению к неодушевленным предметам гораздо чаще, чем русский -ец: укр. гаманець – рус. кошелек, укр. гребінець – рус. гребешок, укр. папірець – рус. бумажка. В обоих языках тот суффикс производит мелиоративную коннотацию: рус. супец, аппетитец, укр. підхідець, хлібець (рус. подходик, хлебушек).

Неодинаковая частотность слов в двух языках может прямо не бросаться в глаза билингам, но резко ощущается результат этой неодинаковой частотности, а именно – такое коннотативное различие словаря двух

языков, которое дает повод с восхищением говорить о тонкостях того или иного национального языка, нюансах, не выразимых средствами иного языка, хотя и близкородственного.

Впрочем, степень коннотации в другом языке для билингва – переводчика может восприниматься искаженно под воздействием родного языка. Так, для русского упоминаемый украинский суффикс -ець субъективно несет, по причине неодинаковой частоты восприятия, гораздо большую мелиоративную коннотацию, чем для украинца.

В каждом из близкородственных языков имеются в наличии схожие аффиксы, выражающие разную степень коннотации в силу различной употребительности. Так, в белорусском языке образования с уменьшительными суффиксами более частотны, чем в украинском, а в русском почти отсутствуют. Ср.: рус. спаточки, спатоньки, спатулечки; укр. спатки, спатоньки, спатонькати, спатуні, спатушкі; бел. спацькі спаткі, спаценькі, спатынькі, спацячкі, спаточкі, спатычкі. Степень экспрессивности выражена более всего в каждом отдельном русском слове, но в целом экспрессивность, благодаря данным суффиксам, более характерна для белорусского и украинского языков.

На различие в степени коннотации влияет отчасти также степень продуктивности одного и того же аффикса в каждом языке. Так, можно усмотреть экспрессивно-коннотативные различия между суффиксами -ок, -ик, -очк(а) в русском и украинских языках с одной стороны и -ок, -ік/-ык, -ачк(а) в белорусском языке – с другой на том основании, что в русском и украинском они продуктивны или малопродуктивны, а в белорусском – высокопродуктивны: (ср.: рус. дымок, дворик, блинчик, ванночка, укр. бересток, вогник, хлопчик, донечка, бел. ветрык, месячык, рэчачка).

Третья коннотативная особенность лексики какого-либо языка заключена непосредственно в основах. Наиболее значительную долю составляют коннотации историко-языкового и историко-культурного типов, особенно коннотация культуры. Национальная особенность этой коннотации тесно сопряжена с денотацией, также специфичной для данной культуры. Так, русско-украинские пары полотенце – рушник, хоровод – танок, чуб – чуприна имеют несколько различные денотаты, в частности, рушник – это расшитое полотенце, танок исполняется иначе, чем русский хоровод, чуприна имеет совершенно другую форму, чем русский чуб. Но именно эти денотативные отличия и создают в словах экспрессивные культурные созначения, специфичные для каждого языка.

Культурологические созначения, сопровождающие слово, являются принадлежностью только определенного языка, поэтому слово как историко-культурная сущность может быть полностью понято и значение осмыслено во всем объеме только в контексте данной национальной культуры.

В аспекте культурологического содержания лексика распадается на две группы: этнизмы, то есть слова, характерные для данной культуры и отсутствующие в других языках (иногда их называют этнографизмами) и общие для различных языков слова, имеющие несколько отличное семантическое содержание, обусловленное культурно-историческими особенностями этнической общности.

Если в первой группе культурологическая коннотация представлена в «чистом» виде, то во второй группе она затрагивает только часть семантики. Но в обоих случаях она является скрытой для иноязычного наблюдателя. Так, для полного культурологического понимания русского слова самовар, украинского ярмарок нужно иметь представление не только о «голых» денотативных значениях (устройство для варки чая, сезонная торговля), но также сопредставления о том, что самовар – это символ купеческого и мещанского сословия в России, ярмарок – это праздничный торг.

Взаимопонимание людей строится в конечном счете на основе близости их культуры и просвещения. Чем отдаленнее отстоят две культуры, тем более расходятся коннотации в языках этих культур, тем не менее существует основа для взаимопонимания этих социумов и наоборот.

Перевод – особенно художественный – это не только трансформация одной языковой системы в другую, но и сопоставление разных культур. При переводе происходит перенесение исходного текста на язык, который возник и существует на других культурно-исторических основах и семантика которого имеет другие культурно-исторические коннотации.

На практике проблема культурологических коннотаций в переводе решается трояким способом. Во-первых, перевод снабжается комментарием культурных и исторических реалий. Этот способ чаще всего используется в переводной литературе для учебного пользования.

Другим способом, отчасти снимающим трудности и стремящимся к полному отражению культурных коннотаций, является транслитерация. Трудности подыскания нужного эквивалента на другом языке бывают и не настолько велики, но ради сохранения коннотаций переводчики (а также авторы художественных текстов) используют транслитерацию, а не перевод. Так, К. Паустовский не переводил многие польские слова, например, кофейная, часовня, рига, а приводил их в польском звучании: кавярня, каплица, стодоля.

В третьем случае переводчик заменяет реалии исходного языка, приспособляя их к реалиям целевого языка. По этому замыслу денотативная замена реалий должна служить трансформации национально-культурных коннотаций в тексте перевода. Иноязычный читатель несправедливо остается, благодаря этому, в рамках своей национальной культуры. Так, в немецком переводе «Кобзаря» Т.Шевченко калина заменяется характерной для немецкой сельской местности бузиной (Holunder), вместо явора появляется липа (Linde), которая несет такую же культурно-эстетическую нагрузку для немцев, как для украинца явор, олицетворяющий красоту украинской природы.

Ценность всех культурно-коннотативных слов проявляется в рамках своей национальной культуры. В данном типе перевода коннотация, являясь отражением этой культуры, намеренно уничтожается, то есть в переводе фактически уничтожается национальное украинское сознание и дух украинского языка. Подобно этому, коннотация слова жупан как символа освобожденного батрака не воплощается в немецком Sonntagerock, сорочка теряет коннотацию в выражении das Hemd, schön gestrickt, свита коннотативно не имеет ничего общего с Mantel и т. д.

Приближение текста оригинала к иноязычным реалиям ведет к потере культурных коннотаций. Осознание этой потери видно на примере прозы М. Шолохова. Так, в русском тексте «Поднятой целины» он сохраняет украинское слово дуля, не прибегая к использованию русского слова кукиш, который является

полным денотативным эквивалентом украинского слова. В общественном украинском сознании дуля – символ презрения к собеседнику, к нему прибегают как к последнему аргументу в споре, она является более тяжелым оскорблением, чем русский кукиш. Поэтому он не имел бы в русском тексте таких культурно-исторических значений.

Наличие культурных и исторических коннотаций в словаре национальных языков ставит задачу их системного лексикографического описания. Современные двуязычные словари сообщают читателю информацию, которая позволяет лишь денотативный аспект лексики иноязычного текста. Задача словаря, видимо, должна состоять в том, чтобы способствовать полному осмыслению иноязычных текстов. Эта задача может решаться только в том случае, если двуязычный словарь сообщит читателю помимо денотативных значений историко-культурные сведения о словах. Это одна задача. В аффиксирующих языках более половины морфем имеют экспрессивно-коннотативное содержание. Системное представление коннотативных суффиксов в словарях, т.е. создания словарей коннотативных морфем – другая, не менее важная задача. Она ставилась в лингвистике еще в конце прошлого века [4].

Литература

1. Сопоставительное исследование русского и украинского языков. – Киев: Наукова думка, 1975. – 288 с.
2. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV-XVII вв. – М.: Наука, 1974. – 224 с.
3. Пилинский Н. Н. Сопоставительно-стилистическая характеристика словообразовательных средств – В кн.: Ижакевич Г. П., Кононенко В. И., Пилинский Н. Н., Сиротина В. А. Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. – Киев: Вища школа, 1980. – С. 95-112.
4. Говердовский В. И. О коннотационном морфемном словаре русского языка // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Материалы общесоюзной конференции. – М.: Институт русского языка, 1988. – С. 28.

Голикова О. Н.

ИНФИНИТИВ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Как отмечает В. В. Виноградов, «в структуре художественного произведения происходит эмоционально-образная, эстетическая трансформация средств общенародного языка» [1]. Посредством общенародного языка воплощается художественный замысел поэта. По мнению Б. А. Ларина, характерным свойством художественной речи является ее семантическая осложненность [5]. Качественное преобразование слова в художественном тексте приводит к необходимости выделения особой семантической категории – эстетического значения слова. Такое значение проявляется в «оттеночной» функции слова, которая раскрывается в окружении примыкающих слов на основе ассоциаций. Смысловое обогащение произведения происходит, таким образом, за счет «взаимодейственной совокупности слов», которая дает смысл больший, чем простая сумма отдельных слов [5, с. 35-36].

Многие новые семантические функции словоформ в художественном тексте в значительной мере ложатся на плечи грамматики. «Грамматическая форма означает сразу и то, что она означает обычно, и то, что за этим обычным значением раскрывается как художественное содержание данной формы» [2, с. 250]. «Из всех областей речевой деятельности именно поэтическое творчество наделяет «языковые функции» наибольшей значимостью» [11, с. 464].

Языковые единицы, наделенные выразительными возможностями, являются стилистическими ресурсами языка: эмоционально-оценочными, образными, экспрессивными. Выразительный потенциал фонетики, лексики и фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса изучает стилистика ресурсов (по определению В. П. Москвина) [6], или структурная (аналитическая) стилистика. Одним из ее направлений является синтаксическая стилистика, которой посвящены, например, работы Т. И. Сильман и Г. Я. Солганика [8, 9].

В данной работе мы ставим целью выявить эстетические функции инфинитива в поэтическом тексте, сформированные на основе его стилистического потенциала.

Инфинитив – исходный элемент глагольной парадигмы. Как неспрягаемая глагольная форма он лишен формального выражения важнейших грамматических категорий – склонения, времени, лица, рода, числа. Обладая минимальной частно-грамматической информацией, неопределенная форма глагола выражает в наиболее чистом виде идею процесса. Инфинитив называет действие как отвлеченное понятие, как возможное свойство предметов. Отсутствие ряда грамматических характеристик в этом первичном представлении о действии позволяет сфокусировать внимание на его лексическом значении. В художественной речи используются, как правило, глаголы достаточно яркой семантики, поэтому их неопределенные формы могут стать в условиях контекста средством речевой конкретизации. Вспомним пушкинские строки:

*Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать...* (Пушкин. «Евгений Онегин»)

Инфинитив, выступая в качестве «глагольного номинатива» (определение Виноградова), по своей функции приближается к прилагательному: его назначение – показать отличительные признаки предмета, лица. Но если прилагательные указывают на статические признаки, то инфинитив называет те свойства, которые проявляются в динамике, в данном примере – реализуются в поведении героя. Русские грамматисты высказывали мысль о том, что в инфинитиве потенциально заложено отношение к лицу. Это позволяет употреблять инфинитив вместо личных форм глагола: *Я бежать – ноги не несут; Она кричать – никто не слышит*. При этом неопределенная форма глагола получает значение изъявительного склонения и может успешно конкурировать со спрягаемыми глагольными формами в экспрессивной речи.

В структуре предложения инфинитив обладает широким функциональным спектром: он может выступать в роли как подлежащего или части сказуемого, так и в качестве любого второстепенного компонента предикативной модели. «Помимо участия в распространении грамматической основы, инфинитиву присуща